

УДК 378.147(477.51)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗАХ ЧЕРНИГОВЩИНЫ В 20-Е ГОДЫ XX В.

Мошик И.В.,

Глухов, Национальный заповедник «Глухов», Украина

В Украине период 1920-х годов в сфере высшего образования характеризуется утверждением официального единомыслия, ликвидацией политического плюрализма и усилением идеологического контроля над всеми отраслями жизнедеятельности общества. Именно в таких условиях происходило становление высших учебных заведений Черниговщины и утверждение в них новых форм и методов учебно-воспитательного процесса.

В научной литературе, которая обозначает данную проблематику, существует ряд работ, появившихся в основном в начале 90-х годов, где прослеживается объективное рассмотрение указанного вопроса. Эти публикации посвящены отдельным направлениям исследуемой проблемы, информацию о которой можно почерпнуть в работах М.Т. Безотосного [1], Г.В. Касьянова [2], В.М. Даниленко [3], В. Шкварчука [4], И.Я. Щупака [5]. В то же время остается почти неисследованным вопрос становления в украинской региональной высшей школе новых организационных форм и методов учебно-воспитательной работы в 20-х годах XX ст.

Таким образом, целью автора статьи является исследование на основе архивных и историографических источников организационных форм и методов учебно-воспитательного процесса, которые применялись в региональной высшей школе Черниговщины, и выяснение их влияния на становление нового поколения украинской интеллигенции обозначенного периода.

После поражения украинских национально-освободительных сил периода 1917-1920 гг. состоялась ликвидация созданной украинской высшей школы, в основу которой была положена идея национального образования. Отбросив ее как буржуазно националистическую, коммунистическая власть начала создание собственной советской системы образования.

1 марта в 1919 г. отдел высшей школы Наркомата образования опубликовал постановление № 8, в соответствии с которым руководство научной, научно-учебной и образовательной деятельностью вуза возлагалось на соответствующие советы. Научный совет должен был организовывать научно-исследовательскую работу, научно-учебный – руководить учебным процессом, образовательный – заниматься распространением знаний среди населения. Руководство хозяйственной работой возлагалось на хозяйственный комитет. Управление высшим учебным заведением в целом сосредоточивалось в руках комиссара, который назначался Наркоматом образования [6, 17-18 об.].

Согласно «Положению об управлении ИНО» (институт народного образования), принятого на заседании Высшего научного совета при Управлении высших школ 20.07.1920 г., институт должно было возглавлять бюро, в состав которого входили ректор (в некоторых институтах он же и политкомиссар), заместитель политкомиссара, проректор, секретарь, деканы факультетов, два представителя студенческого комитета [7, с.10]. Но уже в апреле в 1921 г. на заседании коллегии Украинского главного комитета профессионального образования, ссылаясь на «современные украинские условия», было принято постановление о преждевременности использования коллегиального управления в высших учебных заведениях Украины и введена система единоличного управления [8, с. 6]. Сколько бы реорганизаций в то время не выдерживало вузовское правление – должность политкомиссара оставалась в нем ключевой. Но достаточно часто отсутствие четкого разграничения полномочий ректора и политкомиссара приводило к всевозможным недоразумениям при руководстве высшим учебным заведением.

Достаточно часто НКО пытался назначить руководителем вуза именно политкомиссара, но в большинстве случаев последний не имел соответствующего образования и был некомпетентным в организации внутривузовской деятельности. В частности, в 1925 г. ГубИНО затронуло вопрос перед Главобразованием об освобождении директора Шосткинского химико-технологического института О.М.Машкина (человека с фундаментальным образованием, опытного руководителя) и рекомендовало на эту должность политуполномоченного, декана рабфака И.Г. Настюху [9, с. 2], который не имел ни высшего образования, ни опыта руководящей и научной деятельности. По-видимому, именно в силу этих причин О.М. Машкин оставался руководителем института до начала 30-х годов [10, с. 38].

Позже потребность в политкомиссарах отпала. Ректором вуза мог стать только член ВКП(б). В начале же 20-х годов, в силу слабости влияния большевистской партии на широкую украинскую общественность, эта должность была чрезвычайно актуальной и исключительно полезной для последующих партийных перспектив.

В середине 20-х годов было принято «Общее положение об институтах УССР», которое четко определило полномочия и компетенцию их администрации. Соответственно этого положения деятельностью каждого института руководило правление, которое избиралось коллективом вуза и утверждалось НКО. В его состав входили ректор, его помощник, деканы и по одному представителю от исполкомбюро студенчества института, соответствующего хозяйственного отдела и профсоюза. Ректор института назначался Наркомом образования на один год и был председателем правления. Количество членов правления определялись НКО [11, с. 1]. Такая административная вузовская система действовала до введения унификации советского образования.

Учебный год в вузах в начале 1920-х годов длился 10 месяцев, имел три триместра, между которыми были каникулы, два раза по две недели и один раз – месяц. Сначала шел теоретический триместр, потом практический, и наконец опять теоретический и так далее. Учеба начиналась в октябре и длилась до сентября следующего года. Сессии в большинстве институтов проходили в январе-феврале, июне и сентябре. Такая система не удовлетворяла ни преподавателей, ни студентов, она не давала возможности рационального использования времени и была изменена на семестровую в конце 20-х годов [8, с. 6-7; 12, с. 133; 19, с. 2].

Если сравнить результаты академуспеваемости двух вузов Черниговщины начала и середины 20-х годов, то следует отметить их тенденциозность, которая свидетельствует о тщетности реформаторских усилий новой власти в данном направлении. Качество образовательных результатов создания новой украинской советской интеллигенции на то время желало быть лучшим. К сожалению, внимание большевистского правительства было приковано совсем к другим проблемам высшей школы. В соответствии с декретом РНК УССР от 04.07.1921 г. учебный процесс в педвузах приравнивался к учебно-трудовой мобилизации: «Совнарком постановляет: поставить занятия слушателей всех педагогических учебных заведений Украины в условия учебно-трудовой повинности; контроль над ней и ответственность за нарушение ее в порядке, установленном для слушателей милитаризованных высших учебных заведений» [13, с. 41].

Трудовые процессы организовывались на производствах или при институтах (чаще это были вузы педагогического направления), создавались опытные учебно-вспомогательные заведения (школы, детские садики, клубы) [14, с. 4]. Такие опытные школы существовали до середины 20-х годов при Черниговском и Глуховском ИНО. Студенты Шосткинского вуза выполняли трудовую нагрузку непосредственно на Шосткинском пороховом заводе.

Опытные школы при институтах в первой половине 20-х годов служили мощной базой для прохождения педагогической практики, которая было чрезвычайно действенным фактором в получении будущей профессии: «При Глуховском ИНО была создана целая небольшая образцовая школа с крайне малочисленными классами (от 6 до 12-15 человек в классе). В этой школе мы наблюдали уроки наших методистов В.К. Федоренко, В.В.

Голубева, которые таким образом учили нас не только на словах, но и на собственном примере. Здесь мы давали многочисленные пробные уроки, здесь проходили наши зачетные уроки с их детальным последующим разбором. Получить высшую оценку «весьма удовлетворительно» у наших методистов было делом далеко не легким» [15, с. 6].

Несмотря на все неурядицы послереволюционного периода, постоянное вмешательство в учебно-воспитательный процесс со стороны новой власти, заложенные дореволюционные традиционные методологические основы функционирования высшей школы еще продолжали действовать в течение почти всего первого десятилетия существования советской власти. Процесс внедрения новых форм и методов преподавания был постепенным, но тенденциозным и непреклонным. На примере перечня учебных дисциплин, которые изучались в Нежинском высшем учебном заведении, можно проследить тенденцию постепенного вытеснения традиций дореволюционной высшей школы и замены их новыми, идеологически направленными, постулатами большевистской власти.

Постепенно с внедрением новых реформационных идей относительно функционирования высшей школы в Украине происходит вытеснение фундаментального академизма из стен высших учебных заведений. В 1924 г. в том же Нежинском институте народного образования изучались следующие предметы: социально-экономические науки – О.О. Карпеко, история Украины – Г.О. Максимович, украинская литература, украинский язык и искусство, в жизни ребенка – О.С. Грузинский, общая история и история социалистических учений – О.И. Покровский, русская литература и клубная работа – В.И. Резанов, немецкий язык – И.И. Семенов, химия, физика и природоведение, – П.А. Бельский, география – Н.П. Булаевский, педиатрия с педагогикой и анатомия и физиология – П.А. Буштедт, французский язык – О.А. Гржимайло, трудоведение – О.С. Каменев, история педагогики и педопсихологии – О.М. Кирилов, история революционного движения, учения, о праве и советском строительстве, советская система просветительства – В.В. Кукарекин, советская конституция и политэкономия – О.Г. Максимович, семинар по социалистическому воспитанию – С.М. Никонов, английский язык – Л. Родионова, искусствоведение – К.Г. Титов» [16, с. 56-56 об.].

Сравнив приведенные примеры, нам не трудно заметить примитивизм новой советской высшей школы по сравнению с дореволюционной. Также четко прослеживается необходимость приспособления преподавателей (высококвалифицированных специалистов узкопрофессионального научного направления) к условиям этого послереволюционного примитивизма. Такие кардинальные превращения объясняются, во-первых, заменой солидно подготовленного с фундаментальной довузовской базой студенческого контингента на полуобразованный, малописьменный, полуголодный, но классово и идеологически пригодный, который силой данных обстоятельств просто не смог бы воспринять академическую науку; во-вторых, новой власти не нужна была фундаментально подготовленная высокообразованная молодежь. Достаточно было массового образовательного примитивизма для бездумного восприятия и дальнейшей пропаганды идеологических постулатов. За выполнением учебной деятельности осуществлялся контроль, в первую очередь деканом, который возглавлял контрольно-учебную комиссию факультета, отчитываясь ежемесячно о ее деятельности. Этот отчет вместе с выводами политкомиссара вуза отправлялся в Главпрофобр.

Наблюдение за выполнением студентами учебной повинности контрольно-учебная комиссия Нежинского ИНО осуществляла через установление дежурств по регистрации посещения лекций, рассмотрение журналов и сведений для выяснения посещений семинарских и практических занятий, присутствие на работах разных видов и контроль за выполнением студентами регистрации осуществления трудовой повинности, участие в заседаниях факультетских и других комиссий, присутствие на коллоквиумах [16, с. 4]. Таким образом, тотальный контроль должен был не только способствовать качественной организации студенческой деятельности, но и приучить будущего специалиста к восприятию

его необходимости в повседневной жизни. В середине 20-х годов появились организации типа «Лига времени», «НОТ» (научная организация труда), которые не только контролировали учебную деятельность студента, но и пытались своими директивами и постановлениями расписывать его общественную и личную жизнь ежеминутно, отмечая то, что личность и ее деятельность принадлежит не себе, а коллективу, и все личные интересы подчинены государственным [16, с. 4].

В начале 1920-х гг. вузовские методы обучения претерпели определенные изменения. Основными среди них в конкретный период времени рядом с традиционными лекциями и семинарскими занятиями были дальтон-план, практические и лабораторные занятия. Дальтон-план акцентировал внимание на самостоятельной работе студента и контроле со стороны преподавателя. Весь учебный материал делился на разделы по месяцам, которые в свою очередь были поделены на ежедневные задания. Студенты работали в отдельных предметных кабинетах-лабораториях. Вузы интенсивно стали пользоваться таким методом в 1923-1924 уч.г., о чем узнаем с докладной ЧИНО в Губпрофобр: «Работа должна и в дальнейшем разворачиваться в том же направлении, осуществляя основную нашу тенденцию – от лекции преподавателя к полной самостоятельной работе студента, к работе лабораторно-исследовательского характера» [17, с.5]. В Нежинском вузе вопрос применения дальтон-плана вызывал бурную дискуссию, которая длилась почти 5 часов. Если руководство вуза требовало введения нового метода преподавания немедленно, то преподаватели, в частности Бельский, резонно отмечал недостаточную материальную базу, в которой было «маловато существующих пособий, нехватка нужных кабинетов, отсутствие лабораторного оборудования и разнообразных приборов» [20, с. 44]. Тем не менее, внедрение дальтон-плана в вузе было признано неотложной необходимостью. При применении этого метода студенты получали колоссальные нагрузки, с чем, в частности, свидетельствует расписание занятий по ЧИНО в 1924-1925 уч.г. [18, с. 9]. На заседании Правления Нежинского ИНО констатировали: «Студенты соцвоспа и рабфака перегружены академической работой на 20-30% сверх нормы особенно по производственному циклу» [19, с. 78]. Система дальтон-плана не оправдала себя, потому с 1925-1926 гг. были введены семинарские занятия, которые увеличивали роль преподавателя и его ответственность в процессе подготовки студента.

Причиной внедрения лабораторных занятий стало неудовлетворительное финансирование вузов, нехватка необходимых учебников и пособий и т. п. В Нежинском ИНО утверждали: «На 1925-1926 гг. институт ставит перед собой задачу распространять лабораторизацию академработы ИНО» [20, с. 31]. Но и к такому методу обучения вузовской молодежи было чрезвычайно трудно приспособиться. Неудовлетворительное материальное обеспечение студентов заставляло их изнурительно работать, тратя на это много времени. Социальный состав вузовского контингента из пролетарско-крестьянских представителей, которым было трудно приспособиться к академической нагрузке, не давал возможности полноценно применить этот метод обучения в вузе. Используя лекционную форму работы, студенты обстоятельнее знакомились с необходимым учебным материалом, экономили время, а семинарские и лабораторные занятия заполняли пробел навыков самостоятельной работы.

Таким образом, через применение новых форм и методов учебно-воспитательной деятельности студенчества правительство пыталось не только разорвать связь с дореволюционной высшей школой, но и приучить молодежь к восприятию неотвратимости большевистской модернизации вузовской системы и воспитать не личность-индивидуума с фундаментальным академическим образованием, а полуобразованного носителя коммунистической идеологии, от результатов работы которого зависело постоянство действующей власти.

Список литературы

1. Безотосный М.Т. Отпор сталинизму в Украине (1920-1930 pp.) // УИЖ. – 1993. – № 2, 3.

2. Касьянов Г.В. Украинская интеллигенция 1920-30 годов: социальный портрет и историческая судьба. – К., 1991. – 175 с.
3. Касьянов Г.В., Даниленко В.М. Сталинизм и украинская интеллигенция. – К., 1991. – 95 с.
4. Шкварчук В. На казарменном положении (очерки из истории Черниговщины довоенных годов). – Чернигов, 2002. – 226 с.
5. Щупак И.Я. Подготовка специалистов в средней технической школе УССР (конец 20-30 рр.): Дис. канд. ист. наук: 07.00.01. – Запорожье., 1995. – 178 с.
6. Центральный Государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). – Ф. Р 166. – Оп. 1. Д. 22.
7. Национальный педагогический университет им. М.Драгоманова. Исторический очерк 1920-2000. – К., 2000. – 220 с.
8. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). – Ф. Р-674. – Оп. 1. – Д. 10.
9. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). – Ф. Р-674. – Оп. 1. – Д. 444.
10. Там же. Д. 433.
11. Государственный архив Сумской области (ГАСО). – Ф. Р-2322. – Оп. 2. – Д. 83.
12. ГАЧО. – Ф. Р-608. – Оп. 1. – Д. 347.
13. ДАЧО. Спр. 33.
14. ДАЧО НВ. – Ф. Р-2161. – Оп. 1. – Спр. 2.
15. Из фондів музею Глухівського педагогічного університету // Спогади Зенченко Н.С. «Мой институт», 1969 р.
16. ДАЧО НВ. – Ф. Р-2161. – Оп. 1. – Спр. 36.
17. ДАЧО. Ф. Р-608. – Оп. 1. – Спр. 169.
18. Там само. Спр. 213.
19. ДАЧО НВ. Ф. Р-2161. – Оп. 1. – Спр. 44.
20. Там само. Спр. 89.

УДК 37.037.1:378

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА К ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

*Мусатов А.Г., Тарбун Г.Г.,
Витебск, УО «ВГТУ»*

В современных социально-экономических условиях развития Республики Беларусь возрастают требования к качеству подготовки специалистов в системе высшего профессионального образования. Это касается не только уровня профессиональных знаний и умений, готовности к постоянному повышению квалификации. Необходимое условие эффективного труда – здоровый образ жизни, физическая и психологическая подготовленность, социальная активность. Ни у кого не вызывает сомнения, что эти требования носят комплексный характер. Трудно представить себе хорошего и активно работающего специалиста, но при этом обладающего слабым здоровьем, низкой физической активностью или склонного к асоциальному поведению.

Эффективность системы физического воспитания во многом зависит от грамотного решения комплекса чисто методических вопросов, касающихся адекватной оценки уровня физического развития учащихся, их физической подготовленности и общей физической работоспособности. Объективная оценка результативности деятельности играет важную роль в обучении и воспитании, создает у учащегося стремление к самосовершенствованию, к приобретению знаний, умений и навыков, к выработке у себя ценных положительных качеств личности, социально полезных форм культурного поведения [1, с. 132-134; 3].